

Чжун Гуаньбай нащупал чашку, открыл ее и сделал глоток, после чего желудок сразу почувствовал себя лучше:

— Главный...

Лу Цзаоцю не повернулся, просто ответил:

— М-м.

Чжун Гуаньбай положил руку на тыльную сторону ладони Лу Цзаоцю, держащего руль, и начал слегка тереть его пальцы. Шрам от операции много лет назад оставил едва заметный след, почти невидимый.

— Главный, — позвал Чжун Гуаньбай.

— М-м, — Лу Цзаоцю продолжал смотреть на дорогу.

— Главный, не сердись, пожалуйста, я чуть не умер от страха, я сегодня могу спать на диване, только не сердись, — Чжун Гуаньбай нагло продолжал трогать пальцы Лу Цзаоцю, даже тыкая указательным пальцем между ними.

Лу Цзаоцю перевернул ладонь, поймал руку Чжун Гуаньбая и тихо вздохнул.

Лу Цзаоцю не оставлял гостей на ночь, в доме не было гостевой спальни, а Чжун Гуаньбай часто возвращался поздно, боясь потревожить Лу Цзаоцю, поэтому часто спал на диване. Чжун Гуаньбай понимал, что в их отношениях что-то пошло не так, или, скорее, что-то пошло не так с ним самим. Но за столько лет, каждый выбор, сделанный неверно, можно было исправить, но после бесчисленного количества таких выборов их последствия срослись с ним, как одежда, которую уже невозможно снять, не оставив кровавых ран.

Иногда человек не срывает с себя уродливую одежду не потому, что боится боли, а потому, что после этого надеть будет нечего.

Человек может жить красиво или не очень, но по крайней мере не должен оставаться голым.

Когда они вернулись домой, Чжун Гуаньбай сам направился в ванную, ближайшую к гостиной, и через дверь сказал:

— Главный, ты ложись спать, я приму душ и приду в спальню, или могу спать на диване.

Лу Цзаоцю стоял у двери ванной, наблюдая за размытым силуэтом Чжун Гуаньбая, и, не сдержавшись, вошел внутрь. Как и ожидалось, Чжун Гуаньбай стоял голый перед зеркалом, с мрачным выражением лица, пытаясь снять контактные линзы. Он выпил много, алкоголь уже выветрился, но руки все еще дрожали, и он никак не мог снять линзы.

Лу Цзаоцю сказал:

— Дай я.

Чжун Гуаньбай повернулся, слегка запрокинув голову, лицом к Лу Цзаоцю.

Лу Цзаоцю вымыл руки дезинфицирующим средством, одной рукой поддерживая лицо Чжун Гуаньбая, а другой снял обе линзы.

Чжун Гуаньбай был хулиганом уже более двадцати лет, и его природа не менялась. Они давно не занимались любовью, и Чжун Гуаньбай схватил руку Лу Цзаоцю, поддерживающую его лицо, и взял пальцы в рот.

Лу Цзаоцю вытащил пальцы:

— Сначала прими душ, а потом мы поговорим.

Он посмотрел на изможденное лицо Чжун Гуаньбая и добавил:

— Прими душ и ложись спать.

— Главный, — Чжун Гуаньбай вышел за ним, с осторожным выражением лица, таким же, как много лет назад, — Цзаоцю, что ты хотел сказать? Скажи, я не могу ждать.

Лу Цзаоцю взял плед и протянул его Чжун Гуаньбаю, затем налил стакан горячей воды.

— Сегодня уже поздно, — с легкой жалостью сказал Лу Цзаоцю.

Чжун Гуаньбай покачал головой:

— Главный, скажи. Завтра ты уезжаешь в Берлин на гастроли, и мы снова не сможем поговорить. Если ты не скажешь сегодня, я точно не усну.

— Я видел твоё интервью, которое ты записывал в прошлом месяце.

— «Диалог со звездами»?

— М-м.

— Это все образ, сценарий был написан заранее. Этот парень играет неплохо, но до меня ему далеко.

— Сколько времени ты не занимался на фортепиано?

— Главный, ты переживаешь за мой сольный концерт в следующем месяце, да? Не волнуйся, все будет в порядке, я тебе говорю...

— Я видел, что ты изменил программу, три сонаты за один концерт — это слишком. Твои руки устанут, и зрителям тоже будет тяжело. Финальные произведения тоже слишком техничны, в этом нет необходимости.

— Главный, ты думаешь, я не справлюсь? Этот парень смог, а я что, не смогу?

Лу Цзаоцю посмотрел на Чжун Гуаньбая:

— Тебе не нужно так делать.

Через мгновение он тихо добавил:

— Музыка — это не так.

Чжун Гуаньбай запаниковал и сразу схватил руку Лу Цзаоцю:

— Главный, ты разочаровался во мне, да?

— Нет, — ответил Лу Цзаоцю.

Чжун Гуаньбай крепко сжал пальцы Лу Цзаоцю:

— Цзаоцю?

Лу Цзаоцю встал, хотел что-то сказать, но в итоге произнес только:

— У меня завтра ранний вылет, ты береги себя.

Чжун Гуаньбай отпустил руку, и Лу Цзаоцю направился в спальню.

— Сяо Чжао, слишком много корректора, — Чжун Гуаньбай указал на свое отражение в зеркале, где щеки выглядели слишком впалыми.

— Ой-ой, Байгэ, это делает тебя стройнее и выразительнее, на сцене под светом это не будет заметно, а на камеру тем более. Я тебе говорю, если ты хоть чуть-чуть не будешь выглядеть стройным, найдутся хейтеры, которые будут называть тебя жирным, — визажист Сяо Чжао продолжал наносить корректор, делая лицо Чжун Гуаньбая похожим на голодающего.

— Сяо Чжао, — ассистент Юй Бай сказал, — Байгэ не боится выглядеть плохо, просто раньше главный всегда смотрел выступления вживую, а теперь он уехал на гастроли и, вероятно, будет смотреть трансляцию. Если ты сделаешь Байгэ таким худым, главный издали увидит и начнет переживать, а Байгэ разве хочет, чтобы главный переживал? Да, Байгэ?

Чжун Гуаньбай искоса посмотрел на Юй Бая:

— Ты молодец, только ты можешь.

Юй Бай с трудом сохранял скромное выражение, но уже не мог сдержать гордости:

— Вот почему только я остаюсь рядом.

Чжун Гуаньбай усмехнулся и сказал визажисту:

— Сяо Чжао, постарайся сделать меня, эээ, как бы это сказать...

Он скрестил пальцы, подумав пару секунд:

— ...более полным.

Визажист сказал:

— Можете дать пример для вдохновения?

Чжун Гуаньбай достал телефон и нашел фотографию:

— Вот так.

Визажист:

— Ой-ой, это лет десять назад? Наш Байгэ тогда был таким свежим и аппетитным.

Чжун Гуаньбай убрал телефон и строго сказал:

— Ты думаешь, мне сколько лет?

— Максимум сорок.

— Сяо Юй, выгони этого человека.

Юй Бай, нарушая субординацию, крепко держал Чжун Гуаньбая:

— Сяо Чжао, поспеши.

Среди ругательств Чжун Гуаньбая «Вы совсем распустились» наконец закончился макияж. Чжун Гуаньбай, сидя с ногами на диване, недовольно написал Тан Сяоли в WeChat: [Откуда ты взял этого визажиста Сяо Чжао, которого мне прислал?]

Тан Сяоли ответил: [Ой, да я же тебе его одолжил. Тебе что, опять что-то не нравится? В этом мире есть кто-то, кто тебя устраивает?]

Чжун Гуаньбай: [Он слишком болтлив.]

Тан Сяоли: [Кто болтливее тебя? Ты еще не нахлебался от хейтеров Хэ Иньсюя? Кстати, Сяо Чжао — личный визажист моего Цинь Чжао, я тебе его одолжил бесплатно. Твое лицо разве дороже, чем лицо Цинь Чжао?]

Чжун Гуаньбай: [Отвали, он что, дракон? Все ведут себя, будто наследники престола.]

Юй Бай, стоя рядом, напомнил:

— Байгэ, скоро нужно готовиться к выступлению.

— М-м, — ответил Чжун Гуаньбай, открыл WeChat и посмотрел на последний диалог с Лу Цзаоцю. Разница во времени? Оба заняты? Такие оправдания казались слишком формальными и поверхностными, как заявления о расставании у публичных людей, сухими и безжизненными, хотя все знают, что это не правда. Но взрослые, кажется, привыкли молча улыбаться, только дети продолжают настойчиво искать правду.

Чжун Гуаньбай с легкой досадой заблокировал экран и протянул телефон Юй Баю:

— Держи.

В момент передачи телефон загорелся, и глаза Чжун Гуаньбая тоже загорелись: на экране было сообщение от Лу Цзаоцю.

[Я жду трансляцию.]

Чжун Гуаньбай коснулся аватарки Лу Цзаоцю и ответил: [Жди меня.]

Он подумал и добавил: [Я люблю тебя.]

Отправив сообщение, Чжун Гуаньбай подождал, но Лу Цзаоцю не ответил, поэтому он передал телефон Юй Баю и направился к сцене концертного зала.

Изначально планировалось, что это будет сольный концерт, посвященный исключительно

композициям Чжун Гуаньбая, но позже он решил, что это недостаточно сложно, и пересмотрел программу, оставив только две свои самые известные композиции к фильмам — одну в начале первой части и одну в начале второй, а также последнее произведение, которое он не включил в афишу. Это была композиция, посвященная Лу Цзаою, в честь их шести лет вместе.

Чжун Гуаньбай уже несколько лет, благодаря музыке к фильмам и телешоу, был связан с шоу-бизнесом, и теперь он полностью погрузился в него. Этот концерт был организован как шоу, с онлайн-трансляцией, билеты, которые изначально стоили 1 800, взлетели до 8 800, и зал был полон.

<http://bllate.org/book/15543/1382790>